

Роза Люксембург

КАРЛ МАРКС

Тридцать лет минуло с той поры, как навсегда закрыл свои глаза человек, которому современное рабочее движение обязано более, чем кому-либо из смертных. Дело, которому Маркс посвятил свою жизнь, может быть правильно оценено только в исторической перспективе.

Социализму, как идеалу общества, основанного на равенстве и братстве людей, много веков. Во всех крупных социальных кризисах и революционных движениях средневековья и нового времени он вспыхивал огненным пламенем как выражение крайнего радикализма, чтобы вместе с тем обозначить непреодолимые исторические пределы и ту точку каждого из этих движений, с которой неизбежно должны были последовать волна отлива, реакция и крушение.

Но именно как идеал, который можно было рекомендовать в любое время, в любой фазе исторического развития, социализм был не чем иным, как прекрасной мечтой разобщенных друзей человечества, недостижимой, как эфемерное сияние радуги на гряде облаков.

В конце XVIII и к началу XIX века социализм впервые выступает с силой и энергией, на этот раз уже как ответ на ужасы и опустошения, творимые в обществе восходящим промышленным Капитализмом. Но и теперь социализм, по сути дела, не что иное, как светлый идеал того общественного строя, который придумали отдельные смелые умы, противопоставив его жуткой картине капиталистического общества. Если мы послушаем первого предтечу современного революционного пролетариата Бабёфа, который во время заката Великой французской революции хотел подготовить заговор с целью насильственного введения коммунистического строя, то единственный факт, на который он считал возможным опереться, это -- вопиющая несправедливость существующего общественного строя. Он не устал рисовать этот строй в самых мрачных красках и бичевать его самыми горькими словами в своих страстных статьях, памфлетах, как и в своей защитительной речи перед революционным трибуналом. По Бабёфу, одного факта, что существующее общество является несправедливым и заслуживающим гибели, было достаточно для того, чтобы оно могло быть свергнуто и ликвидировано с завоеванием власти кучкой решительных людей. Но, к сожалению, оказалось достаточным всего лишь случайности, измены одного из заговорщиков, чтобы привести Бабёфа на плаху, а весь его план -- к провалу. Бабёф погиб в реакционном водопаде, как утлое суденышко, не оставив в анналах истории иного следа, кроме светящейся строки.

В значительной мере на той же основе покоятся те социалистические идеи, которые в 20-е и 30-е годы [XIX века] с гораздо большей гениальностью и блеском представляли Сен-Симон, Фурье и Оуэн. Правда, ни один из этих трех великих мыслителей даже и отдаленно не помышлял больше о революционном захвате власти для осуществления социализма. Напротив, они были ярко выраженными приверженцами мирных средств пропаганды. Однако, сколь сильно ни отличались они по своей политической позиции от революционера Бабёфа, а по направлению и частностям своих идей друг от друга, решающим для судеб социалистической идеи у

всех у них было одно: социализм сенсимонистов, фурьеристов и оуэнистов, как и Бабёфа, был по существу своему только *проектом*, изобретением одного гениального ума, который рекомендовал его для осуществления измученному человечеству, дабы спасти оное из ада буржуазного общественного строя. Критика, которой три великих утописта подвергали существующие условия, была бесконечно острее, основательнее, богаче идеями и наблюдениями, плодотворнее и смертельнее, чем у Бабёфа.

Первая четверть века необузданного развития капиталистической промышленности дала социальной критике совсем иной богатый материал, нежели тот, что впервые стал заметен в разгар бурных родов современного общества, во время великой революции, духовным сыном которой был Бабёф. Но и эта критика являлась в значительной мере обвинением и осуждением существующего общественного строя с точки зрения морали и совести. И именно потому все эти социалистические учения висели в воздухе. Ведь против абстрактных идей равенства, любви к человеку общественные условия грешили вот уже целые тысячелетия -- с того времени, как существовали частная собственность и классовое господство. Эксплуатация и угнетение утверждались, процветали, росли и меняли, казалось, только по мере прогресса времени, свои особые формы, но ни в малейшей степени не заботились о справедливости, разуме и тому подобных прекрасных вещах. И чем основательнее, чем тщательнее великие апостолы социализма выстраивали основы и детали запланированного нового общественного строя, чем глубже затрагивали они своих планах корни существующего порядка, тем грознее звучал вопрос: кто и как должен произвести этот гигантский переворот, который опрокинет весь мир? О пролетарской массе не думали и к ней не обращались ни Фурье, ни Сен-Симон, которые создали лишь мелкие секты. И влияние Оуэна, который работал над возрождением пролетарской массы, тоже вскоре бесследно исчезло. Между стихийными революционными восстаниями пролетариата в 30-е и 40-е годы и социалистической пропагандой не было никакой существенной взаимосвязи.

Незамного изменилась суть дела и тогда, когда в 40-х годах выступило новое поколение социалистических теоретиков, когда в Германии Вейтлинг, во Франции Прудон, Луи Блан, Бланки -- обратились на сей раз к рабочему классу, чтобы проповедовать ему социалистическое Евангелие. Социализм у всех у них оставался планом будущего, главной опорой которого служила несправедливость существующего общественного строя и который мог быть реализован в любое время, будь то посредством неких хитроумно измышленных учреждений с государственной помощью, будь то посредством тайно подготовленного захвата политической власти решительным революционным меньшинством.

1848 году суждено было стать вершиной спонтанного революционного восстания пролетарских масс и вместе с тем испытанием силы старого социализма во всех его разновидностях. Когда парижский пролетариат, широкие слои которого были взбудоражены идеей справедливого общественного строя, традициями прежних революционных боев и различными социалистическими системами, использовал в Февральской революции свою мощь, чтобы потребовать реализации новой «организации труда», «социальной республики», когда он дал Временному правительству для осуществления этих неясных проектов будущего знаменитый срок -- «три месяца голода», эта попытка спустя несколько месяцев терпеливого ожидания закончилась страшным поражением пролетариата. В незабываемой

июньской бойне идея реализуемой в любое время «социальной республики» была потоплена в крови парижского пролетариата, чтобы уступить место нежданному взлету господства капитала в годы Второй империи. Казалось, что на разгромленных баррикадах июня 1848 года, под горами трупов убитых парижских пролетариев идеал социалистического общественного строя был окончательно раздавлен и растоптан, а бесперспективность социализма доказана всему миру.

Однако в то самое время, когда социализм старых школ потерпел окончательное поражение, социалистическая идея уже была поставлена на совершенно новый базис *Марксом и Энгельсом*: «Коммунистический манифест» принес миру эксплуатируемых новую весть. Маркс и Энгельс искали точки опоры для социалистического идеала не в моральной несостоятельности нынешнего общества, не в выдумывании возможно более заманчивого проекта будущего. Они обратились к исследованию экономических условий буржуазного общества. Здесь они открыли точку, к которой может быть приложен рычаг социалистического переворота. В законах капиталистического хозяйства Маркс вскрыл действительный источник эксплуатации и угнетения пролетариата, избежать которых невозможно до тех пор, пока будут существовать капиталистическая частная собственность и система заработной платы. Но здесь он вскрыл и законы развития капиталистического производства, которые в силу собственной железной логики ведут к тому, что при известной его зрелости гибель капиталистического господства и осуществление социализма становятся неизбежными, ибо иначе все культурное общество обречено идти навстречу своей гибели. Тем самым социалистический идеал впервые был поставлен на научную основу и указан как *историческая необходимость*. Вместе с тем Маркс и Энгельс в результате того же экономического исследования доказали, что современный наемный пролетариат всех стран, интернациональный рабочий класс, когда экономическое развитие капитализма достигнет требуемой зрелости, исторически призван осуществить этот великий социальный переворот как свое собственное революционное действие.

Но этими эпохальными мыслями, изложенными в «Манифесте», в «Капитале», в многочисленных других работах, творение Маркса, как и его друга и соратника, не исчерпывается. Материалистическим пониманием истории и его плодотворнейшей частью -- учением о классовой борьбе. Маркс дал пролетариату безошибочный указатель пути для повседневных боев, ведущий его через все хитросплетения политики и обманчивый маскарад партий. Люди сами делают свою историю, но делают ее не по воле случая. Этими словами Маркс указал революционному рабочему классу на объективные общественные условия его действия, на то исторически возможное, которым в любое время ограничено его стремление. Этим учением Маркс сделал так же возможным ориентировку в отношении действительных интересов, стремлений, путей и целей противников пролетариата, буржуазных классов и партий. Конечная цель и повседневная борьба пролетариата, программа и тактика социализма впервые поставлены Марксом на железный базис принципа научного познания, а всему движению международного рабочего класса тем самым приданы твердость, мощь и постоянство, делающие его самым могучим, беспримерным во всей мировой истории массовым движением.

Но и создание организации первого отважного авангарда этого всемирно-исторического движения тоже бессмертная заслуга Маркса и Энгельса. Образованием Интернационала они к обилию своих теоретических учений, предназначенных для пролетариата, прибавили еще и блестящий практический

образец, по которому эксплуатируемые могли научиться сражаться против целого мира, постоянно устремляя свой взор на неотвратимую конечную цель и после каждого внешнего поражения собирая новые силы для дальнейших битв -- вплоть до окончательной, решающей победы.

Если Маркс и Энгельс объединили под знаменем научного социализма пролетариев всех стран, то для германского рабочего класса это знамя как знак сбора всех его сил для решительного политического действия вынес вперед Лассаль. Если Маркс оставил интернациональному пролетариату в качестве своего политического завещания принципы классовой борьбы, то Лассаль сначала политически отделил немецкий пролетариат как класс от буржуазного общества и организовал его на революционную борьбу. И если Маркс словами, что люди делают историю сами, но делают ее не по своей доброй воле, положил конец «деланию» революции старого стиля, то Лассаль с противоположной интонацией, но с равным правом перенес упор на оплодотворяющую инициативу, пламенными словами проповедуя немецким рабочим: люди делают историю не по своей доброй воле, но они делают ее сами!

В этом году, когда в тридцатый раз отмечается день кончины Маркса и в пятидесятый -- день рождения лассалевской агитации, германский рабочий класс имеет все основания с благодарностью почтить память трех своих великих учителей, историческое деяние которых неотделимо друг от друга.

Минувшие десятилетия бесконечно расширили поле нашей борьбы, в сотни раз умножили наши ряды, но и повысили наши задачи до гигантских размеров. Та капиталистическая зрелость, которую Маркс в 60-е годы изучил и описал на основе английских условий, оказалась беспомощным, лепечущим детством в сравнении с нынешним, охватывающим весь мир господством капитала и с отчаянной дерзостью его теперешней империалистической заключительной фазы. И последнее дыхание жизни капиталистического мира, буржуазный либерализм, из старческих рук которого 50 лет тому назад Лассаль вырвал скипетр руководства рабочим классом, оказывается своего рода пышущим силой титаном по сравнению с его нынешним разлагающимся трупом. Теоретическим и политическим учениям корифеев научного социализма ход исторического развития выдал по всем статьям блестящее свидетельство. И ныне посреди кровавого горячего бреда и конвульсий вооруженного до зубов, человекоубийственного империализма все зримее приближается тот час, когда суждено будет сбыться заключительным словам Маркса «Капитала»:

«Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Поэтому сегодня нам более, чем прежде, необходимо связать на практике то, что наши наставники оставили нам в качестве своего самого ценного наследия: теоретическую глубину, чтобы твердым рулем принципа направлять нашу повседневную энергию и решительную революционную энергию, чтобы время, навстречу которому мы идем, не нашло в нашем лице лишь мелких людишек.

1913 г.